

Когда Питер проснулся, первое, что он осознал, это то, как сильно он болит. Каждая мышца, казалось, болела сильнее предыдущей, а во рту ощущался слабый привкус странного металла. Застонав и медленно поднявшись с кровати, он на секунду остановился, увидев себя в разбросанной одежде в зеркале, которое он прислонил к стене. Сдвинув грязное белье на пол, он в изумлении посмотрел на себя. Он был худым, да, но теперь его мышцы проступали под бледной кожей, как будто он провел несколько часов в спортзале, а не в библиотеке. Он поднял руку над головой, он не был уверен, но, возможно, он стал выше? Питер покачал головой, это было невозможно, черт, даже мышцы, которые он видел, были невозможны, и чем больше он смотрел на странное отражение в зеркале, тем больше ему казалось, что это сон. Он посмотрел на дверную раму, прошло уже много времени с тех пор, как они с Мэй измерили его, но когда он встал рядом с отметками, то увидел, что его обычные 5 футов 8 дюймов теперь ближе к 5 футам 11 дюймам, и он выругался, он не дотягивал до отметки 6 футов, но дополнительный рост имел значение, особенно когда он стоял высоко и не сутулился. Руками он расчесывал все еще неухоженные волосы, они были обычного светло-коричневого цвета и все еще свободно свисали на глаза. Тетя Мэй угрожала ему ножницами, но ему нравилось, что они длинноваты. Они скрывали его глаза и некоторые выражения, которые он делал, это был маленький щит, за которым он мог спрятаться, когда держал голову низко опущенной. Он знал, что он красивый, как ботаник, что бы там ни говорила тетя Мэй. Когда он смотрел на свое отражение, казалось, что некогда бледный худой мальчик теперь стал подтянутым мускулистым мужчиной. Когда он двигался из стороны в сторону, пытаясь стянуть боль с рук и ног, ему даже показалось, что трусы стали теснее. Заглянув в них, он подумал, что это определенно что-то новенькое, глядя на то, что теперь было меньше огурца и больше огурца, заправленного в трусы. Покачав головой и оставив все как есть, по крайней мере, на данный момент, он вернулся к позированию перед зеркалом. Несколько раз он пытался напрячься, как рекламные члены тренажерного зала, позирующие для привлечения абонементов, но его мышцы кричали о своей неподвижности. Он разберется с этим, он сможет разобраться, но сначала ему нужно немного поесть и, может быть, съесть банан. Скованность мышц означала две вещи: либо он тренировался, либо, что более вероятно, то, что случилось с ним вчера, свело все его мышцы судорогой.

3 Медленно спустившись вниз, он заметил тетю Мэй, сидящую за столом для завтрака с угрюмым выражением лица. Опустившись на стул, он медленно потянулся за фруктами и хлопьями. "Ну как?" Тетя заговорила первой. "О да, спасибо, что позвала тетю Мэй, я не знаю, что случилось, наверное, я что-то съела или не знаю". Она откинулась на стуле. "Спасибо? Ты собираешься сказать спасибо? Ты ворвался домой в три часа ночи, разглагольствовал о своем дяде, сломал стул, а потом вырубился, и ты говоришь спасибо?" Она встала и зашагала к своему креслу, размахивая руками, пока говорила. "Что? Нет, тетя Мэй, нет, мне стало плохо в Оскорпе. Кажется, меня вырвало, а потом я был дома, ты не пришла за мной?". Питер не мог выглядеть более виноватым, 3 он подумал про себя, что, черт возьми, произошло? "Ты заболел, да?" "Да, тетя Мэй, мне стало плохо, меня вырвало, и, кажется, кто-то забрал мою одежду", - Питер резко сел прямо, - "мой бумажник и фотоаппарат, о, Боже, они забрали их". Питер сутулился. Когда он очнулся, ни одежды, ни сумки, ни фотоаппарата не было и следа. Камера принадлежала Оскорпу, поэтому он не слишком беспокоился, его беспокоило подписанное им заявление о том, что если он ее потеряет, то должен будет заплатить за нее. Он всегда хотел стать фотографом, но страсть к механике и электронике проявилась достаточно рано, и у него никогда не было времени. Обычно это было просто для развлечения, но Флэш как-то узнал об этом и вызвался сфотографировать экскурсию Оскорпа, думая, что это будет забавно. Тетя Мэй указала на него пальцем: "Ты, ты, сиди тихо и сиди здесь". Потянувшись, она сняла телефон с подставки для подзарядки. "Да, школа Мидтауна, мне нужно поговорить с ответственным за вчерашнюю поездку класса в Оскорп, студентом Питером Паркером. ID 1469902. Это его тетя". Она ходила взад-вперед. "Да. Итак, Питер не вернулся вчера вечером, и я слышала, что он заболел, и, ага, да, точно, ага. ТЫ ОСТАВИЛА ЕГО В ОСКОРПЕ. О чем, черт возьми, вы думали? Оставить студента без присмотра и не

позвонить мне". Тетя Мэй молчала в трубку. "Да, ну еще бы", - сказала она, прежде чем повесить трубку. "Тетя Мэй?" Питер поднял глаза от своих хлопьев. Он и раньше видел, как она злится: каждый раз, когда Питер приходил домой с порванной книгой или порванной одеждой, она хмурилась и изо всех сил старалась не кричать. Питер не знал ее точного возраста, но он знал, что морщины и мозоли на ее руках появились от тяжелой работы, что морщины и маленькие седые волоски - от стресса. Она была, как часто дразнил его Флэш, привлекательной женщиной. Худая, но не тощая, она имела осанку тигра и соответствующее поведение. Будучи выше Питера на несколько дюймов и скромно сложенной, Питер знал, что она держала свою светскую жизнь на замке не из-за преданности дяде, а ради Питера. Она тратила свое время и энергию на то, чтобы жизнь Питера была настолько хороша, насколько это возможно, и Питер любил ее за это еще больше. "Ты не пойдешь в школу на этой неделе, Питер, никаких телефонных звонков и никаких социальных сетей, молчи об этом. Я серьезно". Питер опустил голову и просто кивнул. В этот момент раздался звук дверного зуммера. Питер поднял голову, а Мэй просто смотрела на него. Опустившись в кресло, Питер понял, что нужно молчать, когда тетя Мэй злится. Возможно, ее гнев был направлен не на него, но огню все равно, кого жечь, а он знал, что тетя Мэй сейчас была огнем. Слегка наклонив голову, он услышал голоса за дверью, как будто сидел прямо рядом с ними: "Мистер Осборн, эти бумаги для того, чтобы убедиться, что мы не подадим на вас в суд за то, что вы оставили 18-летнюю девушку, которая подверглась воздействию бог знает чего в вашем учреждении, добираться домой одну на такси?". Тетя Мэй была в ярости: мало того, что школа просто оставила его там, теперь Норман использовал дружбу своего сына с Питером, чтобы попытаться выкрутиться из любой возможной ответственности. "Я могу подать в суд, любой адвокат возьмется за это безвозмездно, и если что-нибудь, что-нибудь обнаружится в анализе крови, ты знаешь, что проиграешь". Питер запаниковал, что бы с ним ни происходило, это, вероятно, что-то, что произошло в "Оскорпе", но это будет проверка за проверкой и никакой свободы, особенно если это экспериментальный препарат. Хотя его любопытство по поводу того, что с ним происходит, было велико, желание держаться подальше от лаборатории и любого правительственного исследовательского центра было еще сильнее. "Миссис Паркер, это формальность". Норман был гладким собеседником, годы лизания задниц и выколачивания денег из доверчивых инвесторов сделали его королем в получении своего пути, "внезапная болезнь Питера обеспокоила Гарри, его подруга Гвен собрала его вещи, и хотя я уверен, что инцидент с такси был ошибкой, мы можем уладить это, не затягивая с судами, не так ли, Питер?". Питер вскочил со стула: "Мистер Осборн, могу я это увидеть?" Питер обошел тетю Мэй и взял бумаги у Нормана. Это был стандартный документ, но в нем мелким шрифтом было напечатано несколько пунктов об ответственности, запрещающих Питеру или его потомкам подавать в суд на Оскорп, Нормана или его потомков, практически навсегда. "Сэр, это может быть плохо, если об этом станет известно, даже если это просто желудочная инфекция, ответственность только перед вашей страховой компанией будет стоить вам миллионы, 250 тысяч, я подпишу это плюс NDA. Если кто-нибудь спросит, этого никогда не было". Питер дрожал, он пытался шантажировать Нормана Осборна. Норман Осборн не был человеком, с которым обычно заключают сделки, он привык добиваться не только своего, но и всего, чего захочет. Он никогда не одобрял, когда Гарри прозябал в трущобах с детьми из государственной школы, но его покойная жена заставила его пообещать, что он попытается немного подправить его образование, и он согласился. Он фыркнул. "150 и вы подписываете сегодня". "250, чтобы учесть налоги, и я подпишу сегодня". Норман полез в пиджак, достал чековую книжку, с размаху подписал свое имя и вырвал свежеразбитый чек. "Подпишите." Питер взял ручку с телефона, висевшего на стене, подписал свое имя рядом с каждым крестиком, всего 6 раз, и, взяв чек у Нормана, протянул ему бумаги. Норман фыркнул и ушел, ничего не сказав. Питер был прав, одна только страховка стоила бы миллионы, если бы стало известно, что там отравился студент. Экспериментальные существа, которые сбежали, были пойманы, поэтому заражение не было проблемой, но даже после анализа крови каждого студента они не могли

быть на 100% уверены, что никто из них не был укушен. Даже это могло стать причиной судебного иска, медицинские процедуры на несовершеннолетних детях были достаточно плохими, но тот, кто выпустил этих тварей из архива, должен был заплатить. Пять лет назад он лично проследил за тем, чтобы каждый из этих уродов был пойман и убит. Он не допустит повторения этого инцидента, не после того, как погибло столько людей. Он сжал кулак в гнев, думая о том, кто бы из идиотов это ни сделал и как плохо это может закончиться. Он лично уволил тех тупиц, которые усадили их в такси, чтобы отвезти домой, и теперь он найдет того, на ком отыграется за эту заминку. Хуже всего было то, что эти конкретные пауки должны были быть уничтожены много лет назад. Кто-то напортачил, и он собирался выяснить, кто именно. Конечно, чтобы спрятать деньги, ему пришлось потратить 250 тысяч из своих собственных денег, поэтому он, естественно, был зол и собирался выместить злость на Гарри. Именно недостаток интеллекта заставил его подружиться с Паркером, Норман знал его родителей до их смерти, и их гениальность передалась ему. Если бы Гарри обладал хоть малой толикой его интеллекта, он бы никогда не подружился с таким неудачником, как Паркер, только для того, чтобы он мог списывать домашние задания и получать помощь на экзаменах. Проклиная свое невезение, Норман решил провести остаток дня, вымещая свой гнев на всех, кто виноват в этом беспорядке. Питер закрыл дверь и, прижавшись к ней спиной, сполз вниз, вздыхая. "Извините, тетя Мэй, но Норман может быть жестким. Гарри попадает в беду за все, если мы не отступим, он добьется своего, и знаете, по крайней мере, его способом мы получим немного денег". Он улыбнулся ей, надеясь, что она не будет слишком строга к нему. Она выглядела так, словно постарела на сто лет, когда появился Норман. Питер знал, что они могли бы побороться и, вероятно, выиграть гораздо более крупное соглашение, но это разрушило бы здоровье тети Мэй. Кроме того, ему пришлось бы пройти медицинское обследование, а это могло стать катастрофой. Хотя они с дядей Беном были не так уж стары, когда он начал жить с ними, ей было нелегко растить даже тихого Питера. Ее русые каштановые волосы были всклокочены, и хотя Питер был аккуратен, он знал, что жесткие химикаты из прачечной не пошли на пользу ни ее волосам, ни коже, ни легким. Тетя Мэй постарела раньше времени, и Питер ненавидел себя за то, что помог ей. Это он виноват в смерти дяди Бена, это он виноват в том, что тете Мэй приходилось работать каждый час. Но теперь у него были деньги, теперь у него были средства, чтобы вытащить себя и ее из этого места. Даже хмурое лицо Нормана не волновало Питера. У него был капитал, хорошая голова и, самое главное, человек, который его любил. Однако ему еще предстояло выяснить, что именно произошло в "Оскорпе". Новое телосложение - это здорово, но потеря памяти и крики на тетю Мэй могли быть симптомом гораздо более серьезной проблемы. Питеру нужно было выяснить, что именно происходит, а это означало скрыться от посторонних глаз. Если кто-нибудь узнает, особенно Оскорп, он может оказаться в лаборатории или, что еще хуже, на серии слайдов, тщательно каталогизированных для изучения. Присев на пол рядом с ним: "Ты уверен, Пит? Потому что не я должен с этим разбираться. То есть, я помогу потратить деньги, но, если эти ублюдки что-то сделали, проблемы будут только у тебя". Питер только улыбнулся и прислонил голову к плечу тети Мэй. "Я не знаю, тетя Мэй, я думаю, я думаю, что со мной все будет в порядке".